

ды. Она обрушивалась на установленные власти и общепризнанные авторитеты, осмѣивала коронованных особъ, сѣяла вездѣ, вплоть до семейнаго очага, презрѣніе къ королевской власти, ненависть къ духовенству и аристократіи, надежду на скорое наступленіе революціи.

Но, главнымъ образомъ, агитаторы прибѣгали къ объявленіямъ, вывѣшиваемыхъ на улицахъ. Объявленіе заставляло говорить о себѣ, вызывало больше толковъ и волненій, чѣмъ памфлетъ или брошюра. И объявленія, печатныя или писанныя, появлялись при всякомъ удобномъ случаѣ каждый разъ, какъ происходило что-либо интересное общество. Они срывались, но на слѣдующій день появлялись снова и приводили въ бѣшенство правителей и ихъ сыщиковъ. — „Ваши предки не попались намъ въ руки, но вамъ не избѣжать нашей мести!“ читаетъ сегодня король на листкахъ, приклеенныхъ къ стѣнамъ его дворца. Завтра королева плачетъ отъ злости, видя, что на улицахъ вывѣшиваютъ объявленія, говорящія о мельчайшихъ подробностяхъ ея постыдной жизни. Тогда еще зародилась въ народѣ ненависть, проявленная имъ впоследствии, къ женщинѣ, готовой уничтожить весь Парижъ, чтобъ остаться королевой и удержать въ своихъ рукахъ власть.

Вздумають-ли царедворцы отпраздновать рожденіе Дофина, — объявленія угрожаютъ поджечь городъ, вызываютъ панику и готовятъ умы къ чему то необыкновенному. Или вдругъ появятся на улицѣ объявленія, возвѣщающія, что въ день такого-то праздника *„король и королева будутъ подъ конвоемъ отведены на Гревскую площадь, потомъ въ городскую думу для исповѣди и наконецъ взойдутъ на эшафотъ и будутъ сожжены живыми* « Созоветь-ли король собраніе нотаблей, сейчасъ же вывѣшиваются объявленія: „новая труппа комедіантовъ, набранная господиномъ Калономъ (первый министръ) начнетъ свои представленія 29 числа такого-то мѣсяца и дастъ аллегорическій балетъ *„Бочка Данаидъ* «. Или же, становясь все ядовитѣе и злѣе, объявленія проникнуть въ ложу королевы и возвѣстятъ ей, что тираны скоро будутъ казнены.

Но объявленія направляются, главнымъ образомъ, противъ скупщиковъ хлѣба, главныхъ арендаторовъ и интендантовъ. И каждый разъ, какъ въ народѣ замѣчается усиленное возбужденіе, они объявляютъ Варѣоломеевскую ночь для интендантовъ и главныхъ арендаторовъ. Фабрикантъ, хлѣботорговецъ, интендантъ, которыхъ ненавидитъ народъ, — приговариваются этими объявленіями къ смерти отъ имени „народнаго совѣта“, „народнаго парламента« и т. п.; и во время возстанія народная месть обрушится, конечно, на тѣхъ изъ эксплуататоровъ, имена которыхъ особенно часто попадались въ объявленіяхъ.

Если бы можно было собрать все неисчислимое количество объявленій, появившихся въ теченіе десяти, пятнадцати лѣтъ, предшествующихъ революціи, — мы бы поняли, какое громадное значеніе имѣлъ этотъ родъ агитаціи для подготовленія всеобщаго возстанія. Объявленія эти, игривыя и насмѣшливыя вначалѣ, становились все болѣе угрожающими по мѣрѣ приближенія развязки; всегда живыя и остроумныя, всегда готовые отозваться на каждое явленіе текущей политики и отвѣтить на запросы массъ, — они возбуждали въ народѣ недовольство, указывали ему на его главныхъ враговъ, пробуждали въ крестьянахъ, рабочихъ и буржуазіи жажду мести и возвѣщали о близкомъ днѣ расплаты, днѣ освобожденія.

Совершеніе казней надъ изображеніями преступниковъ было очень распространеннымъ обычаемъ въ прошломъ столѣтіи. Это былъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ способовъ агитаціи. Каждый разъ, какъ замѣчалось въ народѣ усиленное возбужденіе, на улицу выносилось изображеніе врага даннаго момента, кукла, которую вѣшали, сжигали, или четвертовали. — „Ребачество!“ — скажутъ молодые старики, мнящіе себя разумными. Но пусть они знаютъ, что нападеніе на помѣщеніе, въ которомъ происходили выборы въ 1789 году, казни Фулона и Бертье, измѣнившія совершенно характеръ революціи, — были только осуществленіемъ того, что агитаторы подготовили и внушили народу путемъ казней надъ соломенными куклами.

Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ. Парижскій народъ ненавидѣлъ Мопу, одного изъ любимыхъ министровъ Людовика XVI. И вотъ, какъ-то появляется на улицѣ толпа, раздаются крики и кто-то объявляетъ „по постановленію парламента, господинъ Мопу, канцлеръ Франціи, приговаривается къ сожженію, и пепель его долженъ быть раскиданъ по вѣтру!“ Вслѣдъ за этимъ, толпа направляется къ статуѣ Генриха IV съ куклой, изображающей канцлера, со всѣми знаками отличія, и сжигаетъ эту куклу при одобреніи всѣхъ присутствующихъ. Въ другой разъ привѣшиваютъ къ фонарю изображеніе аббата Теггау въ рясѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Въ Руанѣ четвертуютъ изображеніе Мопу и, такъ какъ жандармы не допускаютъ скопленія народа, толпа ограничивается тѣмъ, что вѣшаетъ вверхъ ногами изображеніе скупщика, у котораго изъ носа, ушей и рта обильнымъ дождемъ сыплется